

Борис Степанович Житков. Волы

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Все это было очень давно, когда я был мальчишкой (сейчас у меня усы седые). Так что не удивляйтесь, если непохоже на сегодняшнее. На сегодняшнее похожим осталось море. И на этом море случилось вот что.

Я плывал учеником на грузовом пароходе. Дело было осенью, и стояло "бабье лето": тихая ласковая погода, и море – будто не море, а прудок в саду. Глянцевое, масляное. Мы уже закрыли люки и ждали только капитана, чтобы сняться в рейс. Прислушивались, не катит ли он на извозчике. Вдруг прибегает наш капитан, а за ним какой-то грек, черный, потный, шапка в руке, и этой шапкой все время красное лицо обтирает, и лопочет, лопочет, и кулаком в грудь бьет. А наш толстенький спокойненько кругленькими ножками вышагивает по сходне на борт. Кочегары опустили в свою кочегарку, зашевелились матросы – сейчас сниматься в море. Нет! Наш Лобачев, капитан, тихим голосом говорит мне: "Позови Иван Васильича". И ушел с греком в каюту. Я позвал старшего помощника. Он через минуту выскочил от капитана красный, стукнул кулаком по планширю*.

* Верхняя часть борта.

– А, дьявол! Копейки он свои выгоняет! Хлев тут устраивать! Люди мыли, скребли. Тьфу, тьфу! – и он со злостью три раза плюнул не за борт, а прямо на нашу белоснежную палубу. А сам кочегаров с палубы гонял, чтобы пыли не натрясли.

Грек уже рядом:

– Честное мое слово, они два дня не кушали ни одна соломинка и вот крест! – он перекрестился шапкой в кулаке. – Мы все вымоем. Будет как бумага.

Иван Васильич дико засвистел в свисток и тут же крикнул мне:

– Ты чего суешься? Смолинского ко мне!

Я побежал за боцманом. Горячка – этот Иван Васильич. Он, говорят, на парусниках плывал, судно потопил хозяйское и теперь вот злится: не нравится ему служить, да еще помощником. Смолинский шел навстречу. Иван Васильич кричал:

– Грузить стадо целое! Да! Волон! Две сотни! Ну да! Прямо на палубу! Взагон! Какие стойла!!

Я не глядел на берег, фу ты! За это время уж вся пристань полна была волон. Какие-то дядьки стоняли их палками в кучу, лупили по хребтам и сипло кричали:

– Цобе, ледаща худоба!

Я сказал бравым голосом:

– А что? Не довезем, что ли?

– Дурак! – крикнул Иван Васильич, а Смолинский крепко глянул на меня. Я обиделся:

– А что, капитан не знает, что делает? Тоже, значит, дурак?

– Крышу ему красить надо, каменный дом ставить, – сказал спокойно Смолинский, – а с волон, знаешь... копейки хорошие.

Я гляжу, не выйдет ли на разговор капитан, но капитан крепко сидел в своей каюте.

Я отошел и сказал на ходу:

– Это не на паруснике.

Ой, хорошо, что Иван Васильич не слышал!

Грек суется на берегу, толкался среди волон, кричал на погонщиков. И вот по грузовым сходням заскользили копытами волы. Они потерянно мотали головами, а дядьки оралы, нещадно дубасили и крутили им хвосты. Я решил, что так оно и надо, и тоже выскочил на берег помогать. Я думал, капитан видит из окна каюты мою работу. Мне жаль было волон, но я решил, что надо тут по-деловому, остервенился, хватил одного в зад камнем. Промазал и зашиб плечо греку. С нашего борта захохотали.